

Далеко на востоке нашей страны, на берегу Тихого океана, в городе Петропавловске-Камчатском, на обрывистом склоне красной сопки высятся серый монолит в виде рубки подводной лодки — памятник экипажу подводной лодки "Л-16", погибшему в Тихом океане в грозном 1942 году.

Надпись на граните гласит: "По-двиг их не забудем, гибель их не простим". Командиром этой подводной лодки был капитан-лейтенант Дмитрий Федорович Гусаров.

А на берегу Иртыша, в городе Омске, есть улица имени Гусарова. Улицы, названные этим именем, есть и в Красноярске, и в Иркутске.

В центре Омска, у Вечного огня и мемориала Борцам революции, на одной из могил памятная мраморная доска с надписью: "Федор Васильевич Гусаров (1875—1920), член партии большевиков с 1903 года, товарищ (заместитель) председателя Омского Совета рабочих и крестьянских депутатов". К этой краткой мемориальной надписи можно добавить:

военный врач, ученик и сподвижник Владимира Ильича Ленина, один из создателей военной революционной организации искровского направления города Вильно, агент "Искры".

В 1905 году этот человек был организатором военной организации при ПК РСДРП, как член комитета имел влияние на окружной район, в который входили войска, располуженные в Кронштадте, Красном Селе, Ориенбауме. Одновременно являлся представителем Петербургского комитета РСДРП. Арестован в Кронштадте во время мятежа 1906 года и как член петербургской "военки" приговорен к четырем годам каторги, замененной поселением в Сибирь. Работал в Красноярске, Томске, Иркутске.

Он, проживший всего 45 лет, знал

тюрьмы, ссылки, колчаковские застенки. После установления Советской власти стал одним из ведущих организаторов здравоохранения в Сибири.

Умер в 1920 году в Омске от туберкулеза. Многотысячная колонна омичей проводила его в последний путь.

В 1923 году у сыновей Гусарова Дмитрия и Федора были обнаружены зачатки туберкулеза, и вдова Федора Васильевича — Афанасия Ивановна, врач по профессии, переехала с сыновьями в Крым. Подлечившись, Дмитрий и Федор поступили в Одес-

скую морскую академию, где развернулись и взяли курс на северо-восток, ответив береговому посту сигналом "благодарю" на пожелания "счастливого плавания". "Ленинцы" (так назывались эти корабли) скрылись в туманной дымке...

Так начался далекий и трудный путь от самой восточной к самой западной окраине Советского государства. Подводники — тихоокеанцы с первых дней Отечественной войны стремились принять непосредственное участие в боях с врагами Родины. Теперь они шли навстречу сражениям. И разве мог кто-нибудь заранее сказать, что ждет их впереди в

мечены якорем: Датч — Харбор на Алеутских островах, Сан — Франциско, две военно-морские базы США за границей — Коко-Сало, в Панамской республике, и Гуантанамо на острове Куба, Галифакс — в Северной Канаде, Рейкьявик — в Исландии и, наконец, Екатерининская гавань.

Капитан — лейтенанты Комаров и Гусаров, каждый на своей лодке, объяснили экипажу, что переход являлся правительственным заданием. Он согласован между правительствами Советского Союза, Соединенных Штатов, Канады и Англии. В водах,

не был новичком в дальних плаваниях. Совсем юношей окончил он Одесское мореходное училище и плавал на торговых судах в должности штурмана — ученика и помощника капитана, побывав во многих странах мира. Затем учеба в специальных командирских классах, после чего он штурман теперь уже Военно-Морского Флота.

И снова море и бесконечные мили. Видимо, большой штурманский опыт сыграл основную роль при его назначении флагманом почти кругосветного перехода двух лодок. Умение точно определять местонахождение корабля по наблюдению небесных светил всегда выручало. Несмотря на неблагоприятную погоду, лодки шли точно по курсу. На мостик в помощь сигнальщику дополнительно выделили двух наблюдателей, один из которых одновременно дежурил у 45-миллиметровой пушки. Между ними были строго распределены секторы и моря, и воздуха.

Надежность принятой системы наблюдения получила серьезную проверку на следующий же день. Утро выдалось пасмурным и туманным. Лодки шли кильватером, в двух кабельтовых друг от друга. Неожиданно сигнальщик уловил шум мотора, а затем наблюдатели увидели едва различаемую точку в небе. Самолет! Над флагманом взвилась ракета — "немедленно погружаться!" Лодки быстро скрылись под водой. Командиры остались довольны: воздушная цель обнаружена на обоих кораблях одновременно. Когда всплыли, море окутал густой туман, но это не помешало лодкам прибыть в назначенную точку к установленному времени и встретиться с американским сторожевым кораблем, который провел их вдоль побережья на военно-морскую базу "Датч — Харбор".

1 октября лодки ошвартовались к причалу. На берегу собрались американские солдаты, матросы и офицеры. Им впервые довелось увидеть на своей базе советский военноморской флаг. Прошло четыре дня, и подводные лодки, эскортируемые американским сторожевым катером, вышли в море. Катер шел впереди, поддерживая зрительную связь с "Л-16", оставляя за собой едва приметный след взбитой винтами пены. Колонна кораблей уходила от берега, сливаясь с серым фоном воды и неба.

Тамара ГАЛКИНА,
кандидат исторических наук

ДВЕ

СУДЬБЫ

ский морской техникум, который успешно окончили.

Эта статья и посвящена братьям Гусаровым, которые стали людьми, достойными своего отца.

Старший Гусаров — Дмитрий — по комсомольскому набору в 1933 году стал офицером — подводником. Его боевая биография, к сожалению, продолжалась недолго, и прервали ее необычайные обстоятельства. О них я и хочу рассказать.

Ранним сентябрьским утром 1942 года из Петропавловска-Камчатского в океан вышли подводные лодки "Л-15" и "Л-16". Государственный комитет обороны в целях укрепления Северного флота за счет Тихоокеанского решил передислоцировать на север шесть подводных лодок. Они должны пройти два океана, девять морей, в общей сложности проделать путь в 30 тыс. километров.

У мыса "Маячный" лодки круто

необычном переходе за два океана, охваченных пламенем второй мировой войны.

С какой целью вышли корабли за ворота Авачинской бухты, кроме командиров лодок В. Комарова и Д. Гусарова, который был старшим в группе, никто не знал. Еще на базе, принимая полные запасы снабжения, матросы догадывались, что уходят далеко и надолго. А куда — неизвестно. Командиры молчали. Только вечером они ознакомили экипажи с целью похода и маршрутом перехода, конечной точкой которого был Полярный — главная база действующего Северного флота.

Линия маршрута, вычерченная красной тушью на карте, пересекала Тихий и Атлантический океаны, Панамский канал, Карибское, Саргассово, Гренландское, Норвежское и Беренгово моря и упиралась в Колымацкий залив. Порты захода были по-

контролируемых союзниками, можно будет получить снабжение, произвести ремонт.

Подводники, затаив дыхание, слушали командиров. Путь большой, в 16 тысяч миль, да и по широте диапазон не маленький — почти от экватора до 72-й параллели. Чуть ли не все Северное полушарие.

Моряки представляли и сложности, подстерегавшие их в пути. К тому же, чтобы сократить время, переход решено было совершить в надводном положении. Это давало противнику больше шансов обнаружить наши корабли. Но моряки гордились оказанным им доверием Родины и готовы были преодолеть любые трудности, лишь бы отлично выполнить боевое задание и помочь братьям на Севере в борьбе с врагом. Все понимали сложность задания.

Командир "Л-16" капитан — лейтенант Дмитрий Федорович Гусаров

Сильная бортовая качка напоминала, что спокойная стоянка кончилась и ухо следует держать востро. На подходе к базе наиболее вероятны атаки японцев из — под воды. Поэтому вахтенная служба и командиры лодок все свое внимание сосредоточили на наблюдении за поверхностью моря.

Спустя два часа, видимость улучшилась, лодки подошли к Акутану — проливу, отделяющему остров того же названия от Уналашки, и легли курсом на выход из Берингова моря в Тихий океан. Уже в сумерки американский сторожевик взял курс обратно на свою базу, а "Ленинцы" продолжали путь на юго-восток к Сан — Франциско.

Чем дальше продвигались лодки на восток, тем сильнее голубело очистившееся от облаков небо, ярче светило солнце и теплее становился воздух, будто от зимы уходили в лето. Океан спокойно и ритмично дышал, плавно и бережно баюкал корабли на своей могучей груди.

Командиры — штурманы не сходили с мостиков, контролируя друг друга, офицеры часто уточняли координаты, обеспечивая безусловную точность плавания. Время от времени сигнальщики подлодок обменивались короткими семафорами. Это шла взаимная информация о полученных широтах и долготах, данных течения и сноса. Как ни загружены были дни трудом и учебой, все же находилось

время на короткие беседы о текущих событиях, о районах, вблизи которых проходили лодки. Ежедневно в жилых отсеках вывешивались кальки пройденного за сутки пути, снятые с карт. А вечером штурман или еще кто — либо из офицеров делал сообщение о природе, истории и жизни людей, населяющих берега, мимо которых приходилось идти. У калек всегда задерживались люди, а приглашения на беседы повторять не приходилось.

11 октября на предрассветной вахте лейтенанта Григория Гавриловича Исай разошлись в непосредственной близости с неизвестным судном. Полностью затемненное, без единого огонька на борту, оно исчезло в темноте так же внезапно, как и появилось. Вахтенный сигнальщик Рыбин указал: "После Алеутских островов первую посудину встретили, и та, как "летучий голландец", поспешила скрыться. Какой корабль и доложить нечего. Похоже, океан оживать начинает. Наверное, Калифорния близко, товарищ лейтенант".

— До Сан — Франциско еще около 1000 миль, — ответил Г.Г. Исай, — будем наблюдать внимательнее и не отвлекаться, может, здесь действительно движение оживленнее.

Восходом солнца залюбовались все, кто был на мостике. Спокойный пурпур на воде и небе обещал ясную маловетренную погоду. Прошел подъем флага. Воздух был прозрачный, чистый. Видимость полная, на глади океана — мелкая зыбь с редкими белыми барашками на изгибах. Лодки перестроились, заняв дистанцию в три кабельтова. Ход малый, готовность к срочному погружению не медленная. Впереди "Л-16". Яркое солнце и блики на воде мешали сигнальщикам, пришлось надеть темные защитные очки.

В 11 часов 15 минут с мостика "Л-15" увидели страшную картину: позади ограждения рубки флагманского корабля на десятки метров вверх взметнулся столб пламени, воды и черного дыма, скрывший его из видимости, через секунду докатился раскатистый взрыв.

Когда дым над "Л-16" рассеялся, стало видно, что подлодка с громадным перевесом на корму погружалась в пучину океана. Затем послышались еще два взрыва — более глухих, чем первый. Теперь лодка, по-

видимому, неудержимо опускалась на дно, унося с собой мертвых и тех, кто еще оставался живым в отсеках.

"Самый полный ход! Артиллерийская тревога!" — Тотчас же прозвучало на мостике "Л-15". Лодка набирала скорость. Из люка выскакивали моряки артрасчетов с касками на голове. Поднявшийся радист протянул телеграфный бланк В. Комарову. Обрывок радиограммы был короток: "Погибаем от ...". Больше радиотелеграфист "Л-16" ничего не успел передать: антенна лодки к тому времени уже скрылась под водой.

"Справа в дистанции 5 кабельтов — перископ. Вижу два перископа!" — взволнованным голосом доложил сигнальщик. "По перископам — огонь!" — прозвучала команда. Наводчик кормовой пушки цель поймал. В то же мгновение раздался резкий, болью отдавшийся в ушах орудийный выстрел, за ним, без всяких пауз — второй! третий! пятый! Два высоко поднятых перископа чертили воду, оставляя заметный след на ее поверхности.

Подводный пират любовался результатами своей бандитской работы, полагая, что находится в полной безопасности. Но первый же разорвавшийся рядом снаряд разбудил врага в этом, и ему пришлось срочно уйти на глубину. Цель была потеряна. Стрельба прекратилась. Перископы больше не показывались.

Лодка прошла над местом гибели "Л-16". Два прямых как стрела следа от прошедших торпед еще были видны на поверхности океана. Один из них оборвался там, где плавали соляр и масло. Следы шли со стороны солнца, на воде никого не было. Штурман отметил координаты места гибели: в тысяче миль западнее Сан — Франциско, далеко от родной русской земли, сложили свои головы верные сыны советской Родины.

Перед мысленными взорами подводников стояли их погибшие друзья: живые, веселые, находчивые, сильные, смелые, молодые. Такими они были всего несколько часов назад...

Мстить! Беспощадно мстить за их смерть! Но кому? Кто убийца, совершивший предательский удар? Оставшаяся в одиночестве "Л-15" зигзагами уходила от рокового места.

Подводники молча курили. Разговор не клеился. Слишком неожиданно и свежо было горе.

Радиограммы о гибели "А-16" несколько раз передавались в эфир, но ни Владивосток, ни Петропавловск получение не подтверждали. Пришлось адресоваться к американцам. Шифра для связи с ними не было, донесения посылались фактически открытым текстом, их мог прочесть любой. Сан-Франциско на вызов тоже не ответил. Круг замкнулся.

Штурман "А-15" Меринич определил координаты места гибели той же лодки: широту, долготу, глубину под килем 4880 метров. До Сан-Франциско оставалось 820 миль. Прибыв туда, Комаров доложил советскому генеральному консулу. Ломакину о гибели лодки "А-16". Через посла СССР в Вашингтоне М.М. Литвинова на родину ушло первоначальное донесение.

30 декабря 1942 года в послании президента США Ф.Л. Рузвельта И.В. Сталину сообщалось: "Я обратил внимание на радиосообщение из Токио о том, что в Тихом океане японская подводная лодка потопила подводную лодку союзной нации. Вероятно, это сообщение касается вашей подводной лодки "А-16", потопленной противником 11 октября в то время, когда она находилась в пути в Соединенные Штаты. И я посылаю Вам выражение сожаления по поводу потери Вашего корабля с его доблестной командой и выражаю мою высокую оценку вклада, который вносит в дело союзников также Ваш доблестный Военно-Морской Флот в дополнение к героическим победам Вашей Армии!"*

После этого, уходя к вражеским берегам, тихоокеанцы в память о погибших друзьях писали на приготовленных к выстрелу торпедах: "За экипаж Гусарова". Именно такие надписи были и на торпедах подводной лодки "А-15".

Тихоокеанцы — подводники, прошедшие следом за погибшими, успешно перебазировали четыре лодки в Полярный. Приказ был выполнен.

О лодке "А-16" и ее славном экипаже знают моряки — тихоокеанцы послевоенных призывов. В Петропавловске — Камчатском создан

музей Боевой славы, знакомящий молодых моряков с подвигами старших поколений.

Памятник подводникам субмарины "А-16" создан по инициативе члена военного совета Камчатской флотилии тех лет капитана I ранга Пилищикова и известного подводника, ныне писателя, Героя Советского Союза вице-адмирала Г.И. Щедрина. Автор памятника — мичман Соловьев.

Так сложилась судьба одного из сыновей пламенного большевика Федора Васильевича Гусарова — Дмитрия Федоровича Гусарова.

Интересна жизнь и младшего сына Гусаровых — Федора. После окончания Одесского морского техникума он служил на торговом флоте. В июне 1935 года уехал в двухмесячный отпуск в Крым. Там вскоре был призван на действительную, попал в Военно-Морской Флот и зачислен в школу радистов в Севастополе. После окончания школы проходил службу в Черноморской экспедиции подводных работ особого назначения (ЭПРОН), — на базовой радиостанции в Севастополе и на спасательных судах. Участвовал в походах и выполнении судоподъемных работ. Радиодело пришлось ему по душе. Он стал хорошим оператором. Отслужив положенные два года, Федор остался на сверхсрочную, стал помощником командира мощного спасательного судна. На этом корабле участвовал в подъеме со дна моря затопленного в 1918 году парохода "Петр Великий".

В 1938 году Федор Гусаров демобилизовался и уехал в Ленинград. Его не оставляла мысль поступить в кораблестроительный институт. И осенью 1939 года он стал его студентом.

Федор Гусаров оканчивал второй курс, когда грянула война. 23 июня 1941 года он уже был мобилизован, вскоре прибыл в Кронштадт на радиостанцию штаба Балтики. И наверняка вспомнил своего отца, неоднократно бывшего здесь когда-то по поручению партии большевиков.

В середине октября 1941 года Федор Гусаров был направлен в бригаду морской пехоты — в отдельный батальон связи.

Бригада, в составе которой был батальон, вела тяжелые бои, обороняя Колпино. Когда большинство моряков выбило из строя, бригаду влили в 72-ю стрелковую дивизию.

На долю Федора выпали и боевые страдания. Его перевели в отдельную танковую бригаду начальником радиостанции. Он участвовал во многих боевых операциях Ленинградского фронта. За отличие в боях бригада была награждена орденом Красного Знамени.

В конце 1944 года Федор Гусаров со своей бригадой находился в районе Варшавы. Здесь он стал радистом танка командира бригады. Задне не дели бригада прошла с боями свыше 600 километров от Вислы до Одера, за что была удостоена ордена Суворова II степени. В апрельских боях 1945 года танкисты пробивались в центр Берлина, закончили войну у стен ставки Гитлера, рядом с Имперской канцелярией.

Федор Гусаров был награжден четырьмя орденами и многими медалями.

Демобилизовавшись в октябре 1945 года, Федор Федорович вернулся в Ленинград. Первые два года после войны он снова отдал морю, плавал на судах Балтийского пароходства. Затем поступил на вечернее отделение кораблестроительного института и перешел на береговую работу на Адмиралтейский завод. Работал дежурным капитаном, заместителем начальника цеха, а потом строителем кораблей. В 1951 году он защитил диплом.

Вскоре его отзывали на партийную работу.

Будучи студентом кораблестроительного института, активно участвовал в постройке первого атомного ледокола "В.И. Ленин".

В 1975 году омичи отмечали столетие со дня рождения Ф.В. Гусарова, и Федор Федорович был приглашен принять участие в установлении мемориальной доски на улице, носящей имя его отца.

Скончался Федор Федорович в 1987 году.

На снимках: братья Гусаровы — Федор (слева) и Дмитрий; Ф.В. Гусаров (до суда).

* Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентом США и премьер-министром Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Т.2. М., Политиздат, 1976, с. 43—44.